

УДК 82-97

В.Ф. ЕФИМОВ,

*доктор педагогических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии естествознания (РАЕ)
профессор кафедры теории и методики начального образования
Московского государственного областного гуманитарного института (Россия)*

Е.В. НИКОЛЬСКИЙ,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории и теории словесности
Российского православного университета св. Иоанна Богослова (Россия)*

ТИПОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИЗМА: ПРОТИВОСТОЯНИЕ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИХ И ТЕОЦЕНТРИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

В статье представлена типология современного гуманизма, рассматривается сущность двух его типов – антропоцентрического и теоцентрического. Авторы приводят историю развития гуманистического мировоззрения от античности до наших дней, высказывают предположения о причинах современного нравственного кризиса и обосновывают перспективность развития теоцентрического гуманизма как мировоззрения человека кризисной эпохи.

Ключевые слова: гуманизм, типы мировоззрения, теоцентризм, антропоцентризм, христианское миропонимание, нравственный кризис, либеральный фашизм.

Маршевое использование в различных информационных источниках таких понятий, как «гуманистический», «гуманный», «гуманность», «гуманизация» и др., провозглашение и ориентация общечеловеческих ценностей на гуманистические идеалы, а также складывающийся в науковедении гуманитарный идеал научности показывает, что рубеж XX и XXI веков после античности, эпох Возрождения и Просвещения являет собой своего рода четвертое «обращение» в истории общественной, философской мысли к истокам гуманизма, к переосмыслению с его позиций ценностей *человеческого бытия*. В меньшей мере эти истоки, направленность развития и наполнение содержательной составляющей термина «гуманизм» выявлены с историко-религиоведческих позиций.

Данная статья посвящена итогам осмысления гуманизма, который в XXI в. стал основанием, средством анализа, оценочным компонентом в сфере идеологии, политики, философии и вероучений. Сегодня стало актуальным осмысление гуманизма в богословском ракурсе для осознания его полноты и целостности как феномена социального, экзистенциального и духовного бытия современного человека.

Известно, что существует несколько форм человеческого познания – мифологическое, научное, религиозное, философское, художественное, мистическое, которые переплетаются, не всегда четко разделяются в культуре различных исторических эпох. Это способствует затуманиванию истины, неправильно формирует представления о том или ином явлении.

В то же время современное понимание сущности гуманизма и подходов к его рассмотрению в том или ином аспекте невозможны без знания накопленных наукой сведений

и обобщений, т. е. без опоры на историю изучения этого явления. Осмысление гуманизма тесно связано с развитием воззрений на человека в истории христианской цивилизации, но только с возникновением человеческой рефлексии о собственном бытии гуманизм формируется как глубинная интенция человека и человечества. В начале XXI в., имея богатый исследовательский опыт и исходя из того, что каждая эпоха вносит в понимание любого явления, в том числе и гуманизма, свои черты, нельзя утверждать, что может быть найдено более или менее окончательное и бесспорное определение гуманизма. Однако необходимо говорить об итогах его изучения, учитывая накопленные знания и современные, в том числе и богословские толкования. Также в связи с этим требуется обсуждать принципы, актуализировать новые, более полно охватываемые подходы к рассмотрению и пониманию гуманизма.

В определении сроков появления термина и его исторически обусловленной семантики нет единой точки зрения.

Понятия «гуманность», «гуманизация» достаточно полно осмыслены в психолого-педагогической и справочной литературе и др. Так, «гуманность» понимается как «совокупность нравственно-психологических свойств личности, выражающих осознанное и сопереживаемое отношение к человеку как высшей ценности». То есть гуманность рассматривается как сугубо психолого-педагогическое понятие, в котором отражается одна из важнейших черт направленности личности. «Гуманный» употребляется в контексте проявления человечности, сопричастности, сочувствия, выражения отношения к чему-то тоже как к высшей в данный момент ценности. Например, данные слова употребляются в словосочетаниях: «гуманный человек», «гуманность поступка», «гуманное отношение к животным» и т. п. В слове «гуманистический» заложено требование проявления гуманности. Например, так оно используется в словосочетании «гуманистическая традиция».

Семантический анализ вышеприведенных однокоренных слов с термином «гуманизм» диагностирует распад его дискурса как идеологического концепта, как философской системы, как сциентического явления. Это произошло в виду господства материалистического и атеистического (и, соответственно, однобокого) понимания человека, которое в качестве досадного пережитка сохраняется и в наши дни.

Попытка определить смысл гуманизма по различным информационным источникам, включая Интернет, показывает, что у этого термина существует несколько противоречивых и порою взаимоисключающих значений. Приведем их:

– название эпохи Возрождения в различных культурных движениях, идейных течениях, направлениях общественной мысли;

– обозначение нравственных качеств личности – человечности, доброты и уважения.

Традиционно гуманизм есть признание ценности человека как личности, его права на свободное развитие и утверждение своих способностей, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений. То есть в интерпретации термина «гуманизм» нет единой точки зрения.

В определении сроков появления термина и его исторически обусловленной семантики также отсутствует единомыслие. Поэтому в начале XXI в., имея богатый исследовательский опыт и исходя из того, что каждая эпоха вносит в понимание любого явления, в том числе и гуманизма, свои черты, нельзя утверждать, что может быть найдено **более или менее окончательное и бесспорное определение гуманизма**. Однако необходимо говорить об итогах его изучения, учитывая накопленные знания и современные искания. Также в связи с этим требуется обсуждать принципы, подходы к рассмотрению и пониманию гуманизма.

Кратко рассмотрим исторические и философские аспекты развития гуманизма.

Впервые термин «гуманизм» употребил Марк Туллий Цицерон (106–43 гг. до н. э.). Имеются различные толкования семантики употребления термина «гуманизм» в античное время. Например, В.М. Меньшиков считает, что Цицерон ввел данный термин в связи с разработкой римского образования для высших сословий, называя его *humaniora studia* [1, с. 31] (гуманистическое образование), что в буквальном переводе, с его точки зрения, означает «почвенное образование» (*huma* – почва). В связи с этим суть почвенного образования толкуется как его содержание, т. е. «органичное соединение в римском образо-

вании римской культуры и латинского языка как основы («почвы») с греческой культурой, дополняющей римскую культуру высшими достижениями греческой культуры: литературой, философией, риторикой и т. д.». Тем самым оспаривается более поздняя общепринятая трактовка перевода словосочетания *humaniora studia* – «человечное образование» (*homo* – человек).

Наш анализ латинистического слова «гуманизм» показал следующее. Для выявления семантики слов в латинском языке следует обращать внимание не только на корень слова, но и на его склонение, его окончание и словообразовательные варианты. Во-первых, в латинском языке не «*huma*», а «*humus*» означает – гумус, питательная почва, земля. Во-вторых, во времена Цицерона существовало два слова для понятия «человек», обозначавшие разный его статус. Первое *homo* – индивид (человек вообще). Второе – *humanus* – особа (образованный человек, обладавший культурой, что приличествует в Риме представителям высших сословий, например, патрициям, в современном понимании – это аналог личности). В латинском языке *humaniora* – форма сравнительной степени от прилагательного *humilis* – человек. Поэтому, *humaniora studia* означает повышающее человечность, более оочеловечивающее образование (в современном понимании это аналог словосочетания личностно-ориентированного обучения).

Понятие «почва» имеет неоднозначный смысл. Во-первых, в эпоху Древнего Рима оно означало нечто низменное. Прилагательное «*humilis*» – земной, имеет оттенок «сниженный, низкий, приземленный». В таком значении для совершенствования человека посредством образования Цицероном слово «почва» не употреблялось. Так как иначе оно бы означало противоположную цель разрабатываемого Цицероном образования – отрицание особенного в человеке как индивидуальности, отличающей образованного человека от низших сословий.

Во-первых, для понятия «почвенное образование» (в смысле обезличенное, нивелирующее особенное, делающее обучаемых одинаковыми) в латинском языке можно сконструировать словосочетание «*humiora studia*», которое не совпадает с «*humaniora studia*». Во-вторых, значение термина «почва» не совпадает ни с содержанием образования, ни с семантикой словосочетания «социокультурный и духовный базис развития» и в данном контексте по нормам русского, а не латинского языка, скорее, употребляется как метафора. Например, как метафора в XIX в. оно публицистически использовалось славянофилами, но никак не в первом столетии до Рождества Христова просвещенными римлянами.

Представление о том, что человек был сотворен из земли, пришло в латинскую культуру значительно позже, в третьем-четвертом веках нашей эры, после распространения христианства и перевода Библии святым Иеронимом на латынь. Соответственно во времена Цицерона концепты земли и человека не рассматривались во взаимосвязи.

Смыслообразующий анализ почвенности в латинском языке показывает, что Цицерон как рафинированный патриций, труды которого являются непревзойденными образцами изысканной латинской речи, в слово «гуманизм» не вкладывал почвенный смысл.

Л.В. Романюк отмечает, что Цицерон ввел термин «гуманизм» для обозначения «человечной, человеколюбивой идеологии» [2, с. 29]. Для античности, в которой доминировало «овнешествление» (термин М.М. Бахтина) бытия человека, понятие «человеколюбие», входящее в его внутренний мир, еще им не открытое, не было характерным. Человеколюбие именно как идеология впервые (?) стало присутствовать в проповедях апостолов («возлюби ближнего своего») во второй половине I в. н. э. Поэтому Л.В. Романюк, возможно, привносит в понимание Цицероном гуманизма более поздние его особенности, возникшие лишь с распространением христианства.

Подавляющее большинство исследователей возникновения термина «гуманизм» и его главный определяющий смысл увязывают с эпохой Возрождения (XIV–XVI вв.), при этом признавая правомерность употребления термина как для обозначения более ранних, так и более поздних явлений, связанных с характеристикой человека, его культуры. В эпоху Возрождения гуманизм стал обозначать противоположную идеологии средневековья светскую культуру (гуманистику), не только обращенную к человеку, но и исходящую от человека, от его собственных духовно-творческих возможностей и субъективной мощи. В справочной литературе имеется утверждение, что термин «гуманизм» вошел в употребле-

ние лишь в XIX в. вначале для обозначения движения возрожденческой мысли, затем для обозначения одного из оснований характеристики европейской культуры. В связи с этим следует отличать гуманизм как свойство общечеловеческой культуры и гуманистику как идеологию эпохи Возрождения.

К началу XXI в. в различных геосоциальных средах проявления гуманизма существуют в формах, возникших как до эпохи Возрождения, так и в чертах, сформировавшихся после неё. Покажем предпосылки, истоки, доминирующие особенности гуманизма в исторических эпохах человеческого развития – античности, средних веках, Возрождении или Ренессансе, Новом Времени и Просвещении, XIX–XX вв.

Предпосылки развития гуманизма зародились в античности. Античная философия по своей сути была **антропоцентрична**, и это её качество предопределило в ней гуманистическую проблематику. Гуманизм как термин не имел широкого распространения, использовался Цицероном применительно к сугубо римскому образованию, но явление, им обозначаемое, существовало. В частности это проявилось в том, что в ранний период античности культивировались идеи эстетически сложного, физически развитого, выносливого человека, своим могуществом и совершенством разума способного противостоять стихийным силам Природы и жить счастливо. Абсолютизация явлений природы и человека как её части привела к феномену многобожия, которое стало нормой религиозного постижения действительности, отражения её в сознании, персонифицированного в представлениях людей в виде **человекобогов**. «Человек был весь во вне, притом в буквальном смысле этого слова» [3, с. 61]. «Сплошное овнешествление», приоритет внимания к внешнему, а не внутреннему миру античного человека привело к надличностному его пониманию, что нашло отражение в искусстве – античной литературе, архитектуре, легендах Древней Эллады, поэзии Древнего Рима. «Этические императивы добра, блага, истины, справедливости были ориентированы не на индивида, а на человечество в целом и являли собой факторы гармонии и красоты мира и природы в целом» [2, с. 26].

Гуманизм античности – это мировоззрение взаимодействия мира и человека в нем.

В воззрениях на человека философы античности (Сократ, Эпикур, Демокрит, Платон, Аристотель, Цицерон, Сенека) отталкивались от утверждения Протагора (490–420 гг. до н. э.): «Человек есть мера всех вещей». Они объявляли человека критерием добра и зла, истины и заблуждения, прекрасного и безобразного, удовольствия и страдания. При этом в выработке этих критериев и в построении в соответствии с ними жизненной программы подчеркивалось значение ума, разума и того, что привносится культурой, – нравственностью, носителями которой являлась элитная часть общества.

Единодушно культивировалось положение о том, что не во внешних по отношению к человеку условиях находится составляющая его счастья, а в нем самом. Поэтому для достижения счастья философы античности считали необходимым искоренять невежество посредством просвещения, то есть фактически рассматривались социальные аспекты гуманизма. В связи с этим в педагогической сфере гуманизм античности означал свободное образование для элитной части общества, в отличие от профессионального, ремесленного, рабского обучения и воспитания. Свобода в данном случае включает в себя и право на ошибку. Так как, исходя из перевода латинского термина *humanus*, смысл пословицы «*humanum errare est*» сводится к тому, что образованному человеку свойственно ошибаться. Для античности характерны многогранность интересов образованного человека и вера в великую гармонию природы, которую древние стремились увидеть, постичь. Отметим, что Сократ (ок. 470–399 гг. до н. э.) считал, что подлинная образованность может родиться только из личных усилий самого человека, но в то же время участников педагогического процесса он видел как «равноправных партнеров».

Истоки гуманизма возникли в философии, религии в связи со становлением, развитием христианского вероучения, в истории распространения которого, много страниц полных удивления, торжества и драматизма духовных исканий, противоречий и трагедий. Сам Бог, Предвечный Абсолют, Второе Лицо Троицы (Иисус Христос) становится человеком и по прошествии Искупительных Страданий на Голгофе, Воскресения в плоти возносится на небеса. По определению вселенских соборов, в Нем «неслиянно и нераздельно» сочетаются

в равной мере **божественное и человеческое** начало. Поэтому Христианство провозгласило всех людей равными перед Богом, декларировало заповеди, которые являются человеческими, нравственными нормами.

Христианская церковь, борясь с многобожием, отнюдь не зачеркивала всех ценностей, которые содержатся в дохристианских учениях, иначе пришлось бы допустить, что миллионы людей созданных по образу и подобию Божию, тысячи лет были целиком во власти лжи и самообмана. Отцы и учителя церкви решительно отвергали эту мысль. Св. Августин, св. Василий Великий и многие другие указывали, что в язычестве есть предчувствие Евангелия, что свет Откровения в какой-то мере был дарован всем народам.

Религиозные прозрения Азии и идеи античных философов не что иное, как этапы великого пути Богоискания. Человек многое постиг, многому научился; в христианстве же ему открылось то, чего не имела ни одна религия, – Личность Богочеловека. Тайна, которая смутно брезжила в старых мифах, поэзии и метафизике, стала реальностью в Вифлееме. Идеал христианского гуманизма сформировался. Ибо, произведши из ничтожества мир духовный и затем мир вещественный, Господь Бог, в заключение творения, произвел человека, который равно принадлежит и к миру духовному по своей душе, и к миру вещественному по своему телу, а потому произошло как бы сокращение обоих миров, и справедливо издревле назывался малым миром.

То есть издревле человек понимался как некий отдельный целостный мир, находящийся в единении как с самим Творцом, так и с прочими Его творениями. То есть Человек рассматривался в трех ипостасях: *Тело*; *Душа* с входящим в неё Разумом и Волей; *Дух*.

Однако в период стагнации античности и следовавших за этим средних веках сложилось убеждение, что человек со своим узким эгоизмом, своеволием и буйством низменных страстей, с особой силой проявившихся в бедствиях войн, служит далеко не лучшим пособием для изучения Закона Божия. Протестные действия церкви, отягощенной государственными функциями, в защиту христианского вероучения, очищения человека от скверны воспринимались общественностью неоднозначно. Идеал христианского гуманизма подвергся воздействию как центростремительных, так и центробежных тенденций. В душах одних людей он возгорал, в других затихал. К первым относятся представители греческой и латинской патристики – святые отцы и учителя церкви, словом которых дорожили (II в. – Юстин-философ, II в. – Ориген, IV в. – Василий Великий, Григорий Ниский, Иоанн Златоуст, V в. – Амвросий Медиоланский, Блаженный Августин, VI в. – С. Боэций, А. Дорофей, VIII в. – Иоанн Дамаскин и др.). Они много писали и проповедовали о человеке как совокупности духа, души, тела, основываясь на главном гуманистическом тезисе христианского вероучения: Бог в святой Троице рек: «Сотворим человека по образу нашему и по подобию...» (Быт. 1, 26–28). Известно, что вера без знаний – суеверие, и святые отцы, и учителя церкви сходятся на том, что Бог (посредством святой благодати) помогает человеку укрепить разум для постижения мироздания и усилить веру для совершенствования духа. Поэтому церковь благословляла развитие образования и просвещения.

Основатель религиозной педагогики Авва Дорофей сформировал цель образования и указал его путь. Он впервые придал образованию планетарную форму: светские знания поместил по окружности, в центре коей – Бог, его творческое слово – Логос. По этой схеме можно проследить два пути образования: истинный и ложный. Последний есть простое «собираение» светских знаний в отрыве от Бога, которое есть бесконечное движение по кругу, бесцельное и бесплодное; истинный же путь образования представлен в виде радиуса, идущего от окружности к центру – до слияния с Богом. Бесконечное множество радиусов порождает и бесконечное множество индивидуальных путей к Богу, к совершенству. Совершенство (а равно и цель жизни) мыслились как достижение святости. Рациональное мышление Авва Дорофей квалифицирует как «малый разум», а божественно – религиозное мышление – как «большой разум». Цель образования в его понимании достигается путем развития «малого» и «большого» (что для человека гораздо важнее) «разумов» и последующего их слияния. Веком позже Максим-Исповедник синтезировал эллинистические и христианские педагогические цели, создал соответствующее учение, ставшее актуальным и в наши дни.

Как мы отмечали, к центробежным тенденциям относится угасание в душах людей идеалов гуманизма. Одной из форм этого явления стало учение манихеев (III в. н. э.), влияние которого сохранилось и в наши дни. Его основателем был христианский недоучившийся священник – расстрига Манус (216 г. – между 274 и 277 гг.). Отсюда название учения. Манихеи трактовали человека весьма противоречиво. Человек – «творение тьмы, дьявола, заключившего душу – искру света – в оковы плоти, он сотворен все же по образу и небесного «светлого первочеловека». То есть манихеи учили, что Душа сотворена Богом, а тело человека – дьяволом. Так, один из их постулатов гласил: «Тело – темница для души». Таким образом, у последователей этого учения возник одинаковый (по форме и содержанию) культ добра и зла. Отстаивая триединую сущность человека и двуединую сущность Христа (божественное и человеческое) христианская церковь, руководствуясь укреплением разума и веры человека, понимала всю опасность учения манихеев и предала его на 4-м Вселенском соборе (V в.) анафеме.

Вопросы теории и истории гностицизма затрагивал в своих работах известный российский историк и философ Л.Н. Гумилев. Согласно его взглядам западноевропейская культура и византийская цивилизация как бы вылуплялись из «...яйца христианской общины, специальный обрамлением которой была церковная организация. Но в этом яйце был и второй зародыш – так называемый гностицизм, ... в котором главное место занимало неприятие действительности» [4, с. 263]. В то время как представители противоположной им идеологии (т. е. христиане) «...рассматривали окружающую среду, с присущими ей стихийными процессами, как благо» [4, с. 264]. Таким образом, по мнению ученого, формировался конфликт если не мировоззрений, то мироощущений: жизнеутверждающего, т. е. сопричастного биосфере планеты, и жизнеотрицающего, ставившего целью и идеалом аннигиляции материального мира, ибо высшее благо человека состоит, с точки зрения гностиков, в уничтожении материи и освобождении духа.

Это представление в дальнейшем формировало социальные и нравственные воззрения представителей данного учения (культ знания как самоценности в ущерб другим сферам бытия, отрицание ценностей материального мира, в т. ч. брака и семьи, презрение к самой жизни, почитание самоубийства, гордое удаление от общества и т. д.). Как неоднократно писал Л.Н. Гумилев, такие доктрины, подобно раковой опухоли, на протяжении средних веков и нового времени разъедали изнутри как христианский, так мусульманский миры от «Атлантики до великой китайской стены» [4, с. 266].

Это учение было составной частью псевдохристианских доктрин, существовавших в Средиземноморье в постантичную эпоху, ведь гностицизм повлиял на возникновение большинства крупнейших ересей, в том числе манихейства и последовавшего за ним маонства [5, с. 113].

Поскольку манихейские (как разновидность гностицизма) теории практики имели место в странах Западной Европы и в России, для анализа упомянутых явлений следует обратиться к некоторым суждениям католических богословов. Папа Римский Иоанн-Павел II (известный своими философскими трудами, созданными в духе экзистенциальной традиции) отмечал, что «...гностицизм никогда не уходил с поля христианства, всегда как бы существовал с ним: и под видом определенных философских течений и, чаще всего, под видом тайной парарелигиозной практики, глубоко порывающей с тем, что сущностно важно для христиан, но не выражающей это открыто» [6, с. 122–123].

Традиционное церковное христианство отстаивает идеалы гуманизма и не отрекается от телесного начала в человеке, так как, по священному преданию, человек сотворен Богом, и сам Бог развивает телесную человеческую природу.

Дальнейшее развитие гуманизма произошло в средневековой Европе. Существует необоснованное мнение о том, что средние века (VI–XIV вв.) в силу их малой динамичности являются мрачной эпохой для человечества. Но дело представляется по-иному. В центре средневекового мировоззрения господствовала мысль о нравственном дуализме человеческой души, связанном с концепцией первородного греха. Родоначальником этой идеи был Блаженный Августин (V в. н. э.). Этот дуализм заключался в одновременном пребывании в человеке доброго, светлого начала – способного возвести человека до вершин святости, которая включала в себя, в том числе и всеовершенную нравственность, и зло-

го, темного, демонического, бесовского, способного опустить человека до мерзости, скотского образа¹.

Средневековые проповедники, видя социальные и нравственные пороки своих современников, предупреждали их о губительности злого начала в человеке и призывали к святости. Эмоциональные призывы к ниспроверганию зла были многочисленными и потому позднее широко применялись для характеристики эпохи средневековья. В результате сформировался необъективный взгляд на нее. В нём доминировало презрение к телесной человеческой природе, отрицание плотского начала в человеке и т. п. Если бы дело обсто-яло именно так, то пришлось бы отказаться от почитания святых мощей (что считалось ере-сью) и забыть слова апостола Павла: «Ваши тела будут храмом Святого Духа».

В противовес обличительным проповедям в средние века существовали и процвета-ли позитивные проповеди, пробуждающие и утверждающие нравственные начала в чело-веке. Среди наиболее выдающихся проповедников в средние века следует назвать Фран-циска Ассизского (XII в.) Бернарда Клервосского (XII в.) и Антония Падуанского (XIII в.), кото-рые проповедовали гуманизм в бытовой и социальной жизни.

О формировании нравственности в средние века писали восточные мыслители Еф-рем Сирин (IV в.), св. Иоанн Лествичник (VI в.), Нил Синайский (VI в.), Симеон Новый Богос-лов (XI в.) писал об «образе» и подобии Бога в человеке, указывая на то, что подобие Бо-жия в человеке – это святость, одним из проявлений которой являются сверхъестествен-ные способности.

В средние века светское образование не считалось «скверной», а включалось в пара-метры совершенствования человека. Именно поэтому, при содействии церкви, возникает высшее образование как таковое: университеты в Европе – XII–XIII вв., академии в Визан-тии (IV–XII вв.) и сопредельных странах. Например, в Грузии была создана Итолтойская ака-демия, где учился Шота Руставели, а ректорствовал – известный философ-богослов св. Ар-сений Итолтойский (князь Вачнадзе). В названных учреждениях среди прочих изучаемых предметов важную роль играли логика и математика, призванные формировать разум че-ловека. Просвещение человеческого разума мыслилось добродетельно, как на христиан-ском Западе, так и на христианском Востоке (Сирия, Грузия, Армения).

Итак, рассуждая о *раннем* средневековом гуманизме, следует выделить стержень, что был его основой: сохранение и развитие человечности, добродетели, духовного нача-ла, формирование присутствия Бога в человеке, борьба человека с самим собой, уничто-жение зла в себе.

Следует особо отметить следующий аспект средневекового гуманизма. В психологи-ческую и духовную культуру средневековья вошло важное положение христианства, выра-ботанное в полемике с язычеством, – понятие и учение об индивидуальной ответственности, которое гласит: «Каждый человек *обособленно от других* (выделено нами. – В.Ф., Е.В.) будет, судим высшим судом». Если раньше в период упадка античности человек выделен был из природы как ее особый элемент, то теперь в соответствии с приведенным положе-нием ему определено надлежащее место и в системе «социум – Бог – человек». То есть **в средневековом гуманизме человек** ответственен за свои поступки, мысли перед людьми, Богом и самим собой. В религии это положение увязывается с понятием греха.

В христианской аскетике² (добровольное преодоление искушений, соблазнов, грехов) выдвигаются генезис и последствия грехов, их классификация. Есть грех от беса, грех от своей «испорченной» природы и, наконец, грех от мира. За них человек наказывается бо-лезнями. Грех от мира проявляется еще и в том, что человек деиндивидуализуется, теря-ет собственную (как учит христианство) ответственность перед Богом за свои поступки. Это проявляется в комфортности (конформизме), в желании «быть как все», в растворении в социуме, в тяготении к соборности с мотивом ухода от ответственности, в принятии норм

¹См.: Святая Тереза Авильская. Внутренний замок / Святая Тереза Авильская. – М.: Истина и Жизнь, 1992. – 104 с. Грасьян заменил слово «скотство» на «мерзость». Брат Луис де Леон, вполне резонно, положил на самую святую и предпочел прежнее слово. Тереза понимает здесь под «скот-ством» жизнь как у животных, когда человек не осознает своего человеческого достоинства.

²Аскетика – в христианском понимании учение о правильной человеческой жизни, о правди-вом объективном взгляде на себя.

культуры и поведения без собственного глубоко осознаваемого самостоятельного их выбора с позиции святости.

В христианском миропонимании святость всегда «инаковость», уникальность, наличие яркой неповторимой индивидуальности, сопряженной с Богом. Без сопряженности с Богом индивидуальность переходит в эгоизм, эгоцентризм, то есть теряет свою нравственную основу или переходит в конформизм (обезличенность, отсутствие собственной позиции и др.), в стадность..., что порождает болезни общества.

Решение проблемы преодоления грехов, которое приняло как необходимые, щадящие, так и агрессивные формы вмешательства в жизнь человека (принудительное лечение, изолирование от общества, физические наказания), привело в эпоху развитого и позднего средневековья в Европе к противоречивым тенденциям развития культуры: с одной стороны, гуманистической и, с другой – антигуманистической (псевдо- и дегуманистической). Насильственное навязывание доминирования в человеке социального (общественного) начала приводило к дегуманизации, а провозглашение крайнего индивидуализма – к псевдогуманизации.

Проявление гуманистических начал культуры проявилось в следующем. Возникший духовный кризис приводит в Италии к созданию ордена францисканцев, ставившим своей целью «проповедь отрекшихся от мира в миру». Это, по сути, означало внедрение гуманистических идеалов в широкие массы населения. Франциск Ассизский (XIII в.) являет пример глубокой любви ко всему Божию творению и его венцу – Человеку. По представлениям Франциска, личностные отношения между учителями и учениками должны соответствовать характеру отношений между Иисусом Христом и его учениками.

В это же время с целью воплощения в миру христианских идеалов милосердия при католических миссиях Палестины возникает орден госпитальеров (или иоаннитов, по имени покровителя ордена св. Иоанна Крестителя), который осуществлял как практическое служение ближнему (лечение больных, охрана паломников и т. п.), так и духовное служение (сострадание нуждающимся, осуществление причастия, соборования, принятия исповеди, т. е. покаяния). Орден госпитальеров постепенно распространил свою деятельность почти во всех христианских странах, и позднее из его недр выросла авторитетная гуманитарная организация «Международный Красный Крест».

Антигуманистические тенденции культуры эпохи развитого и позднего средневековья (XI–XVI вв.) проявились в активизации деятельности таких религиозных и общественных объединений, как катары, вальдонцы, анабаптисты, альбигойцы, братья свободного духа, адамиты, апостольские братья, гуситы, табориты, которые унаследовали еретические основы учений сект – николаитов (I в.), карнократиантов (II в.), уже упоминавшихся нами манихеев и их последователей (III–X вв.). В учениях этих сект развивались как дегуманистические идеи социалистического толка (обобществление имущества и жен, отрицание семьи и частной собственности, полного равенства во всем, отрицание личности, её глубинных черт и, прежде всего – нравственности, совести), так и псевдогуманистические (полная свобода в удовлетворении индивидуальных потребностей, отсутствие нравственных и моральных ограничений, провозглашение человека богом). Позднее противоречивые тенденции культуры средневековья отчетливо проявились в распространившейся модели гуманизма в масштабах всей Европы, затем всего человечества.

В целях борьбы с ересью в недрах ордена доминиканцев в Испании возникла инквизиция, целью которой было спасение души посредством причинения физического страдания, пыток, то есть борьбы с бездуховностью человека, изгнания из него зла. Расцвет инквизиции приходится на XV–XVI вв. (начало эпохи Ренессанса) в основном в Испании, Италии и, в меньшей мере, в Германии, Франции. Вся деятельность инквизиции явилась результатом прямой и преступной измены церковных властей их собственной религии. Насилие в делах веры коренным образом противоречит Евангелию. Отцы церкви недвусмысленно утверждали, что религия должна убеждать, а не принуждать.

Итак, в эпоху *развитого и позднего* средневековья своеобразие гуманизма проявилось в теозисе – **в возвышении божественного в человеке и деятельной любви к ближнему**, спасению, умиротворению его Души. В системе ценностей человека сменилась доминанта, характеризующая его социальный статус с авторитета богов в древности на автори-

тет единобожия. Человек рассматривался как личность, имеющая духовное начало и свободу выбора праведного жизненного пути или греховного. Сбалансированная этика христианства позволяла избегать воплощения в культуре тенденций как крайнего индивидуализма, так и тенденций вульгарного обобществления, способствуя формированию полноценного гуманизма.

Гуманизм как система взглядов, система ценностей, как направление общественной жизни оформился в эпоху Возрождения – возвращения к ценностям, оставшимся от наследия греко-римской цивилизации, то есть к «бренным благам» и «плотским удовольствиям». Данная форма гуманизма определена культурными достижениями эпохи Возрождения, где человек является носителем творческого начала. Вера в самоценность личности, антропоцентризм и индивидуализм – основные принципы эпохи.

Гуманизм эпохи Возрождения – это главное движение в Западной Европе XIV–XVI вв., коренным образом изменившее понимание человека и его места в мире и в системе человеческих отношений. Важным принципом философского гуманизма стало признание наряду с Богом громадного, даже самодостаточного, значения природы человека в мире, так что получалось иногда нарушаемое в ту или иную сторону, но достаточно устойчивое единство сторон.

В отличие от средневековья произошел перенос фокуса осмысления на понимание **развития самого человека, а не на процесс приобщения человека к Богу**, как в средневековой культуре, **хотя Бог по-прежнему остается идеалом и конечной точкой движения человеческой судьбы**, то есть человек, приобретая огромную свободу развития, вместе с тем сохраняет глубокую связь с Богом, ибо конечный пункт человеческого развития – это Бог. Но в эпоху Ренессанса траектория его движения во многом мыслится как автономная траектория, как траектория, определяемая не только Богом, но и природой, обществом и во многом самим человеком.

В ранней западноевропейской буржуазной культуре XIV–XVI вв. гуманизм понимался в узком смысле. Это течение характеризовалось ложным центрированием, ставило на пьедестал для преклонения не Бога-Творца, а его творение – человека, соответственно земные ценности осмысливались как строение Рая на Земле. Описание этого времени, трагедий человека с гуманистическими взглядами нашло свое отражение в творчестве таких крупных писателей, как Г. Манн, Л. Фейхтвангер и др.

Социальную природу гуманизма эпохи Возрождения раскрыл святитель Лука (Войно-Ясенецкий), отмечая, что он «отвечал далеко не всем интересам человечества, а его представители были далеки от народа и чужды ему. Это течение было порождением своей эпохи – светского вольномыслия, противостоявшего схоластике и духовному господству церкви. В таком узком смысле его влияние отчасти распространилось и на последующие времена, но в основном закончилось со своей эпохой» [7, с. 82].

Эпоха Просвещения (предреволюционные годы потрясения Франции в Новое Время), являющаяся вершиной западноевропейского **секулярного гуманизма**, внесла в познание человека, ориентированное на науки, глубокие философские идеи, что способствовало развитию светских начал общественной жизни. Человек стал пониматься как разумный, свободный индивид, обладающий правами на жизнь в обществе, свободу, счастье, равенство, собственность. Он одновременно является творцом своего счастья и общества в целом, обладает властью над природой и освобожден от влияния божественного. Рационализация всех областей жизни – основная черта эпохи Просвещения, поэтому её можно назвать эпохой рационалистического гуманизма. В области педагогики это проявилось в постановке вопроса об эффективных способах познавательной деятельности, а не о потенциях человеческого познания.

В Новое Время (XVII–XVIII вв. – эпоха Разума, развития научно-реалистической формы познания мира) и последующее время, примерно с середины XVII в. человек понимается как личность, духовно-природная целостность, определяющаяся в стремлении к самореализации. Знание, которым обладает человек, стало пониматься как сила покорения естественно природного универсума, средство социального контроля, когда идеал единства Истины, Красоты и Блага в жизни человека выглядит лишенным смысла. Происходит рационализация не только сферы экономики, но и всех областей социальной и политиче-

скої діяльності посредством создания наук специально обслуживающих данную сферу социальной жизни.

XIX в. характеризуется развитием человекознания, науками о душе (психологии), о культуре и духе. В это время «в христианстве в соответствии с учением Нового Завета слово «гуманизм» стало употребляться в том смысле, в каком оно обозначает именно «человечность», то есть все, что направлено к подлинному благу человечества, к утверждению человеческого достоинства, к развитию высоких моральных качеств в личных и общественных отношениях. **Гуманизм является неотъемлемым и самым основным элементом христианства как религии любви**, внутреннего обновления человеческой личности, призывающей к полному и бескорыстному служению на благо человечества» [7, с. 82].

В связи с вышесказанным нельзя согласиться с негативной оценкой, высказанной некоторыми советскими историками и философами, роли христианства в развитии европейской и русской науки и культуры. Церковно-философские источники как раз говорят об обратном. Действительно, современная наука уходит своими корнями в античные или даже в более отдаленные времена. Первые научные представления, физические и математические теории возникли из мифологического мышления, в котором природа населена богами, демонами и духами. Изучать её, ставить эксперименты и строить модели для человека древнего мира казалось невозможным и даже опасным. Для формирования науки необходимы были коренные изменения в мировоззрении, которые и принесло христианство. «Церковь принимала все те истины, всю ту правду, какие могло содержать в себе язычество» [8, с. 414].

Упадок античной культуры, греко-римской цивилизации обусловлен в большей степени причинами, находящимися не в сфере религии, то есть не в возникновении и распространении христианства, а в экономических и социальных сдвигах эпохи. Церковь не предавала забвению, а поддержала античную культуру, плоды её христианизации стали достоянием всего человечества.

В связи с этим отметим, что слово «скверна» и словосочетание «слепая вера», используемые применительно к науке якобы для критики церковью, являются наследием оценок атеизма, «слепо и бездумно» используемыми. Христианство не может воспевать и требовать слепой веры, потому что «слепая вера», не знающая ни своего предмета, ни своих оснований не заметит и границы между христианством и язычеством, между православием и ересью. Слепым может быть только неверие. «Опыт неверия может родиться из опыта слепоты. Вера, которая считается нормативной, – пишет А. Кураев, – в церковной традиции, как раз должна быть зрячей». В христианстве скверными считаются суеверия (к которым церковь относится терпимо, хотя отнюдь их не приветствует) и ересь. Они сохранились в культуре, обычаях, сознании народов еще со времени язычества, приобрели другие смыслы, поддерживаются в виде вековых, не всегда осознаваемых традиций. Истинные, полные, научные знания, в том числе и по математике, суеверными, еретическими никогда не считались. Знания, полученные наукой, не враждебны христианству, и овладение ими человеком никак не может являться грехопадением. Наоборот, – пишет философ и богослов А. Кураев, – именно «христианство создало предпосылки для рождения научной картины мира. Как говорил святитель Филарет Московский, «вера Христова не во вражде с истинным знанием, потому что не в союзе с невежеством»³.

В связи с этим специально отметим, что в возрождении, укреплении и развитии европейского и российского самосознания большую роль оказал именно христианский гуманизм. Особенно это отмечено в российской истории. Вспомним религиозный, духовный подвиг преподобного Сергия Радонежского, ожививший и приведший в движение нравственное чувство народа, выразившееся в борьбе с татаро-монгольским игом. Этот подвиг считается своеобразной точкой отсчета в росте национального самосознания человека прошлых эпох до XX в., которое формировалось через христианский гуманизм, веру, которые достались по наследству, передавались из поколения в поколение как неотъемлемый элемент жизни, как связующее начало.

³Подробнее см. об этом: Кураев А. Грех слепой веры [Электронный ресурс] / А. Кураев. – Режим доступа: http://azbyka.ru/vera_i_neverie/nauka_i_religiya/1g50_6-all.shtml

XX в. – эпоха катастроф, войн и революций, перекраивающих мир. Он поставил множество вопросов и обнаружил бездну проблем. «Смерть Бога» (Ф. Ницше) и «конец искусства» (К. Малевич), девальвация гуманистических ценностей (фашизм) и отрицание человеческой души (коммунизм), последствия техногенного развития – экологические бедствия, усиление индустриального, научно-информационного могущества общества и технократического мировоззрения – вехи постхристианской эпохи, утраты идеалов гуманизма.

Как известно, события, прежде чем проявиться во внешней исторической действительности, разворачиваются в духовной реальности, и то, что произойдет завтра, не должно удивлять внимающих движению духа сегодня.

И «смерть Бога» должна была вызвать роковой контрудар, что и случилось. Мы сегодня являемся свидетелями, что на рубеже тысячелетий происходит то, что Николай Бердяев, наделенный «пророческим» даром, который у него к тому же соединен с точностью диагностики, справедливо именует «саморазрушением гуманизма». Мы находимся в процессе опытной проверки верности утверждения: «Там, где нет Бога, там уже не остается места и для человека».

И во что, в конечном счете, обратились высокие притязания этого саморазрушающегося гуманизма, и не только на деле, но даже в мыслях его приверженцев? **Во что превратился человек атеистического гуманизма?** В какое-то существо, которое трудно даже назвать «существом». В нечто, не имеющее более внутреннего содержания, в этукую клетку протоплазмы, которая целиком растворяется в толпе, превращающейся в массу. Отказ от Бога приводит антропоцентрика-гуманиста и к отрицанию голоса Божия в душе (того, который христиане называют совестью). В итоге, индивидuum сам может определить, что ему подходит, а что нет, и в соответствии с этим предпочесть то или иное действие.

В таком гуманизме полагают, что у человека нет такого «телесного органа» или душевного качества, которое позволяло бы ему безошибочно выбирать полезный для себя путь и видеть глубинные причинно-следственные связи всех своих поступков и их последствий. Нет такой науки, которая могла бы помочь определить границы добра и зла в каждом индивидуальном случае.

Решение как серьезных мировоззренческих, так и постоянных житейских проблем, всегда ставит человека перед выбором, последствия которого могут сказаться не только на его жизни сразу, но и на судьбе его потомков. И только голос Бога в душе и Богообщение позволяют найти выход, не нарушающий интересов и нравственных устоев человека. Основой отношений **для гуманиста-теоцентрика** является жертвенная, бескорыстная любовь в Богу и к ближнему, а любое отклонение от этого пути в итоге приводит к несправедливым действиям.

В антропоцентрическом гуманизме все потребности человека связаны с земной жизнью, и они должны удовлетворяться, что регулируется законом. Данное положение лежит в основе деятельности современного правозащитного движения, которое требует соблюдения любых естественных прав человека и удовлетворения его социально-биологических потребностей, куда входит и пришедшая в противоречие с нормами христианства (и идеологией теоцентричного гуманизма) борьба за права сексуальных меньшинств, за оправдание абортов в рамках деятельности обществ «Желанные дети», «Планирование семьи», за легализацию однополых браков, за оправдание эвтаназии и иных пороков.

В антропоцентрическом гуманизме «социально-исторический человек» не более чем чистая абстракция за пределами общественных отношений и той ситуации, в которой этот «человек» определяется. И потому нет в нем ни постоянства, ни глубины.

Потому-то не надо ему искать безмятежного пристанища, нет нужды притязать на раскрытие некоей ценности, которая бы во всех отношениях впечатляла. Ничто не мешает использовать его в качестве материала или инструмента для подготовки к какому-то будущему обществу, либо же обеспечивая в настоящем то же самое господство какой-либо привилегированной группы.

Ничто не мешает и отбросить его как нечто совершенно бесполезное и ни на что не годное. Остается, впрочем, возможность задуматься над образами сильно отличающихся типов, внешне кажущихся противоположными, вроде тех, которые преобладают, напри-

мер, в системах, истолковывающих все через биологию или экономику, разнящихся меж собой, смотря по тому, верят они или же нет в какой-то смысл и в какую-то цель человеческой истории. Но за всевозможными различиями всегда скрывается одно и то же. Этот человек буквально растворен: он разложился, исчез. Неважно, во имя ли мифа, диалектики ли ради; теряя правду, он теряется сам. И в самом деле: нет больше человека, ибо нет больше ничего, что было бы выше человека [9, с. 34].

В антропоцентрическом мировоззрении гуманиста-атеиста главным является не Создатель, а человек. При этом некоторые системы напрямую отрицают существование Бога, другие же, близкие к деизму, рассматривают Творца как абстрактный высший разум. Но в любом случае, для гуманиста основой всего является индивидуум, личность – высшее существо, продукт естественного отбора природы, «разумная обезьяна», о чем продолжают повествовать школьные учебники по биологии. В противоположность этому христианское мировоззрение базируется на том, что в основе мироздания – Бог и Божественная воля, а человек создан по образу и подобию Всевышнего.

Это различие приводит к последующим противоречиям. **Гуманист-антропоцентрик** считает, что любое зло является следствием внешних факторов: природы, государственной власти, действий классового противника, а значит, основой мироздания являются не любовь и добро, а вражда классов и людей. Из этого следует, что взаимная ненависть и соперничество людей являются объективно существующими и нормальными явлениями. Для христианина же зло – лишь проявление конкретного действия, как объективно не существует тьма, а это лишь отсутствие света, или холод, как отсутствие тепла. Поэтому зло – это отсутствие любви и добра как результат человеческого выбора.

Безбожная человечность не может кончиться иначе, чем банкротством. Этот человек – уже не тот человек, лик которого освящен божественным лучом. Стоит исчезнуть источнику света, и отсвет тотчас исчезает. Достаточно разрушить все то, что в нашем подлунном мире имеет отношение к вечности, чтобы вместе с этим уничтожились всякая глубина и все действительное содержание мира сего. Бог для человека не просто какая-то норма, возлагаемая на человека, дабы тот ею руководствовался и исправлялся: это – Безусловность, в которой человек имеет опору и основание, это Любовь, к которой он прилепляется, это потустороннее, из Которого он произошел, он Вечность, дарующая человеку ту единственную среду, в которой он способен обитать, или в каком-то смысле то измерение, в котором человек обретает свою глубину. Если человек становится сам себе богом, он может некоторое время питать иллюзии: мол, он возносится ввысь, он раскрепощается, но восторженность эта мимолетная! На самом деле ведь этого Бога он унижает, и сам он очень скоро оказывается униженным.

«Очень скоро древние силы Судьбы, побежденные было христианством, вновь начинают отягощать человека. Есть такие, которые поэтому решают, что им удалось возвратиться в ничем не ограниченный рай; другие, более проникательные, торопятся объявить, что Судьбу и нельзя было победить, что она изначально стоит за всем, и что она есть цель всего, и что единственное богатство, оставшееся у человека, – постараться, силясь преобразиться в некую «восторженную мысль», принять это за единственный выход; надо стараться полюбить Судьбу... Есть и такие, что упиваются жизнью, сила которой представляется им всемогуществом, они спорят между собой, биясь о заклад, о все более и более возвышенных победах: одному из них очень скоро пришлось заметить, что «небытие присуще человеческому существу в самой его сути», он им еще скажет, что поражение начертано уже на самой их сущности, что они суть не что иное, как «существа-для-смерти...» [9, с. 35].

Отказ от Бога приводит **гуманиста-антропоцентрика** и к отрицанию голоса Божия в душе (того, который христиане называют совестью). В итоге, согласно гуманизму, индивидуум сам может определить, что ему подходит, а что нет, и в соответствии с этим предпочесть то или иное действие. Христиане же полагают, что у человека нет такого телесного органа или душевного качества, которое позволяло бы ему безошибочно выбирать полезный для себя путь и видеть глубинные причинно-следственные связи всех своих поступков и их последствий. Нет такой науки, которая могла бы помочь определить границы добра и зла в каждом индивидуальном случае. Решение как серьезных мировоззренческих, так и постоянных житейских проблем всегда ставит человека перед выбором, последствия ко-

того могут сказаться не только на его жизни сразу, но и на судьбе его потомков. И только голос Бога в душе и Богообщение позволяют найти выход, не нарушающий интересов и нравственных устоев человека.

В безрелигиозном гуманистическом мировоззрении отсутствует понятие греха, а бессовестным считается поступок, который является преступлением юридической нормы. Высшим нравственным идеалом становится разумный эгоизм, основанный на формуле: «Не делай другому того, что не хочешь потерпеть сам». При таком подходе главное место в привитии этических норм и нравственных понятий начинает занимать воспитание ребенка в духе соблюдения правовых норм, а не в пристальном внимании к своему внутреннему миру и своей совести. В таком случае для человека всегда есть соблазн («если никто не видит») пренебречь внешним законом: ведь «если нет Бога, то все позволено» (Ф.М. Достоевский). А это создает почву для двойных стандартов. В христианстве же граница между грехом и праведным поступком носит не юридический, а нравственный характер. Основой отношений является жертвенная, бескорыстная любовь в Богу и к ближнему, а любое отклонение от этого пути в итоге приводит к неправедным действиям.

История России – пример того, где несколько поколений жили в устремленности к «светлому будущему», в котором не было места Создателю мира, постоянно отрекаясь от своих христианских корней, прошлого и перечекивая настоящее. В XX в. едва ли не определяющее значение на современную интерпретацию гуманизма оказало понятие социалистического гуманизма, обозначавшее, что человек с коммунистическим мировоззрением должен любить трудящихся и ненавидеть их угнетателей.

Отметим, что словосочетание «социалистический гуманизм» по семантической в нем связке слов аналогично словосочетаниям «безводная река», «живой труп», «ночной день», «весёлая грусть» и т. п., т. е. является оксюмороном. В социалистическом обществе понятие «трудящийся», во всяком случае с целью формирования массового сознания населения, чаще всего увязывалось лишь с одной частью народа – рабочими, людьми занятыми непосредственно в производстве материальных предметов. Следовательно, другая часть населения, например, творческая интеллигенция, по классификации «трудящийся – не трудящийся», попадала в число лентяев, сидящих на шее рабочего класса, или в число его угнетателей. При таком раскладе ни в реальной жизни, ни в индивидуальном сознании невозможно воплощение идеалов подлинного гуманизма, находящегося в антагонизме с гуманизмом социалистическим, который был бесчеловечным не только на практике, загубившей в войнах и лагерях миллионы граждан. Социалистический гуманизм выражал бесчеловечность в своём идеале-коммунизме, нацеленном на благополучие всего общества в масштабах страны или человечества. Во имя этого идеала приносились человеческие жертвы, т. е. социалистический гуманизм осуществил себя в геноциде российского народа, используя понятие личности как средство созидания социальной системы. О невозможности синтеза социализма и представляющего собой **базу для подлинного гуманизма – христианства** – писали многие философы и богословы, прежде всего священномученик Иоанн Восторгов⁴, Антоний Храповицкий⁵ и др.

Наиболее емко и сильно антагонизм понятий «социализм» и «гуманизм» (собственно человеческое) выразил математик, философ и публицист патриотическо-державной позиции, академик И.Р. Шафаревич. Он писал: «Понимание социализма как одного из проявлений стремления человечества к самоуничтожению делает понятной его враждебность индивидуальности, стремление уничтожить те силы, которые поддерживают, укрепляют человеческую личность: религию, культуру, семью, индивидуальную собственность. С этим согласуется стремление низвести человека на уровень детали государственного механизма, доказать, что человек реально существует лишь как проявление неиндивидуальных сил – производства или классовых интересов» [10, с. 321].

⁴Иоанн Восторгов (1864–1918) – идеолог христианской государственности в России, лицо близкое к патриарху Тихону, последний настоятель храма Василия Блаженного на Красной площади в Москве, злодейски убит большевиками, канонизирован в 2000 г.

⁵Антоний Храповицкий (1863–1936) – «патриарх изгнания», первоиерарх зарубежной православной церкви.

Поэтому противоречивое, по сути, словосочетание «социалистический гуманизм», в котором привлекательным является человековозвышающий смысл второго в нем слова, использовалось в советское время лишь как пропагандистский прием идеологического оболванивания людей.

Своеобразие политического, экономического и социального состояния жизни в России конца XX в. состоит в ускоренной динамике общественного развития, столкновениях с новыми в целом негативными для человека явлениями, такими как национальная рознь, терроризм, безработица, беспокойство за своё будущее, сокращение продолжительности жизни, ухудшающийся генотип страны и т. п. Это характерно и для стран с более благополучной историей, что отмечает Н.М. Языковой в её работе «Богословие иконы» [11, с. 70].

Подлинный христианский (теоцентрический) гуманизм сохранялся в социально-бытовой сфере как мироощущение, как духовная опора человека. Это воплотилось в том, что в советское время называлось традицией. Она охраняла человека, он мог на нее положиться, так как полагал, что находится в безопасности и стоит на правильных позициях лишь тогда, когда может сослаться на традицию.

В 90-х годах XX в. в России эта опора утратила свою силу, исчезла. Традиция стала представляться чем-то отжившим, чем-то исключительно вчерашним, свобода современного человека обернулась его безосновностью, его оторванностью от необходимого ему центра – как источника бытия, о котором он часто не имеет никакого представления, так как «живет на периферии самого себя».

Исследования современных историков показывают, что многолетнее развитие российской цивилизации базировалось на ценностях христианского мировоззрения. Либерализация экономики в начале 90-х гг. XX в. характеризовалась не только реформами, но и попытками привить нашему обществу псевдогуманистическую (неевангельскую) идеологию ложного индивидуализма и накопительства. Эти черты оказались чуждыми традиционной российской культуре настолько, что в стране развился демографический кризис, поставивший ее на грань выживания. За счет сокращения рождаемости, возрастания смертности и уменьшения продолжительности жизни Россия потеряла за последние 15 лет более 17 млн человек.

Эта статистика отражает современные тенденции. Изменится ли она, и в какую сторону – во многом зависит от нас. А также от того, какие мировоззренческие ценности мы будем прививать нашим детям, как станем их воспитывать и какой подход сделаем основой их образования. Для этого прежде всего любой из нас должен сделать собственный нравственный и мировоззренческий выбор.

В настоящее время в ментальном плане человек расфокусировался, раздвоился, расстроился: думает одно, говорит другое, делает третье. Даже когда в современном человеке просыпается необходимость веры во что-то и/или в кого-то, он острее чувствует свою внутреннюю пораженность, он вынужден жить – надеждой на самого себя как на человека (человек же я!?), на что-то всеобщее, что объединит (люди же мы?), несмотря на различия всех. Такой объединяющей силой становится теоцентрический гуманизм, универсальность идей которого позволяет выйти за рамки культурных, национальных, экономических, расовых и идеологических различий людей.

Понимание реалий современной жизни привело к осознанию того фактора, что главной надеждой и преобразующей силой при выходе из тупиковой политической экономической ситуации является Человек, но не приниженный и поработанный технократическим обществом, лишенный своего индивидуального достоинства и демократических прав, а творец и организатор своей жизни и деятельности. Гуманизм во всех его проявлениях как *идейно-ценностный* комплекс в XX в. стал включать в себя все высшие ценности, выработанные человечеством на долгом и противоречивом пути своего развития и получившие название общечеловеческих. К ним относятся: человеколюбие, свобода, справедливость, достоинство человеческой личности, трудолюбие, равенство и братство, коллективизм и интернационализм.

В понимании этих общечеловеческих ценностей большую роль играет иррациональная составляющая человеческого сознания. Игнорирование этой составляющей, особен-

но в образовании, привело и приводит к декларативности, непринятию, непониманию и игнорированию гуманистических ценностей, что мешает их включению в мировоззрение людей. В результате образованный человек как продукт социализации постиндустриального научно-информационного общества формируется с односторонним развитием – рационально-интеллектуальным, который, обладая в большей степени технократическим мышлением⁶, является неподготовленным к жизни в духовном и нравственном плане. Односторонний просветительский интеллектуализм лишает человека внутренней свободы и разрушает его как личность. Мы, являясь представителями человечества, неизбежно должны видеть вселенную из центра, лежащего внутри нас, и говорить о ней в терминах языка, созданного в результате человеческого общения. Любая попытка очистить наше представление о мире от всего субъективного, сугубо человеческого должна привести к абсурду.

Гуманистические идеи, традиции, связанные с пониманием человека как части природы и самоценности его личности, требованием полного удовлетворения его «земных» и духовных потребностей, в реализации присущих индивиду способностей и возможностей, составили основу ведущей мировоззренческой ориентации прогрессивных общественных движений в XX в. Несмотря на разрозненность и даже противостояние трех основных ведущих духовных сил мира – науки, философии и религии – эти идеи нашли в них свое отражение.

К гуманистическим идеям отечественных религиозных философов относятся:

– идея ощущения человека как составной части цивилизации (священномученик отец Павел Флоренский);

– идея всеобщей связи между людьми, человеком и миром (С. Франк, Л. Карсавин, Н. Лосский);

Заметим, указанные идеи, хотя и сопряжены с христианством, но в основном также носят антропоцентрические черты. В них заложено существование глубокого различия, даже непримиримого противоречия между православным подвижническо-благодатным опытом и переживанием Христа-Богочеловека и западной, гуманистической, ...«хоминистической» (термин святого Иустина Поповича, вторая половина XX в., Сербия) культурой, то есть западным антропоцентризмом в различных его проявлениях: в науке, в философии, теологии церкви, культуре, цивилизации.

Основным тезисом, характеризующим это проявление, является следующий: «Ищите, прежде всего, что есть, что пить и во что одеться, а Царство Божие приложится Вам» (проф. А.И. Осипов). Вместо евангельского: «Ищите Царство Божие, а все остальное приложится Вам». Это констатирует, что в XIX–XX в. «души человеческие вросли в материализм».

Гуманистическая идеология без Бога приводит к кризису и в конечном итоге к своей диалектической противоположности. В самом деле, в государственных идеологиях таких европейских стран, как Греция, Италия, Испания, Германия во второй половине XIX – начале XX в., были сильны гуманистические тенденции, носящие, в том числе и богоборческий характер. Как показывает история, последовательное следование идеям антропоцентрического гуманизма привело эти страны к фашизму, тоталитаризму или авторитаризму (который, например, имеет глубокие корни в менталитете народа России) и войнам. Несколько раньше та же участь постигла и Францию, где антропоцентрические идеи просвещенческого гуманизма XVIII в. привели к якобинскому террору, а затем к войне европейского масштаба.

Это вполне закономерно.

Все естественные потребности гуманиста-антропоцентрика связаны только с земной жизнью, они ограничены гражданским законом и в меньшей степени – моралью. Данное положение лежит в основе деятельности современного правозащитного движения, которое требует соблюдения любых естественных прав человека. Идеал такого гуманиста искажает саму сущность человека, т. к. пытается построить его воспитание на удовлетворении потребностей, границы которых определить невозможно. Отсюда противоестественная для христианской культуры борьба за права сексуальных меньшинств, легализацию

⁶Известно, что технократическое мышление – это всегда примат средств над смыслом, отсутствие соприкосновенности, сопереживания.

однополых браков, оправдание абортов, эвтаназии и иных пороков. Христианство же рассматривает земной путь как подготовку к жизни вечной, и от выбора человека здесь и сейчас зависит дальнейшая судьба его бессмертной души.

И православная культура, и гуманизм утверждают, что человек – существо свободное. Но свобода христианина – в добровольном следовании за голосом Бога в своей душе, а гуманиста-антропоцентриста – за естественными потребностями. С точки зрения гуманиста, христианин связан многочисленными путями ответственности перед Богом и людьми, а для христианина гуманист – раб самого себя, своих потребностей и желаний. Кто прав? Ответ на этот вопрос и становится тем личным мировоззренческим выбором, который должен сделать любой из нас.

Теоцентрический гуманизм, входящий в христианское вероучение и высшим центром которого является Богочеловек (Иисус Христос), был развит в литературно-философском творчестве Ф.М. Достоевского. Впоследствии его идеи более детально разрабатывались богословами: святителем митрополитом Антонием (Храповицкий), его духовным сыном – сербским святым Иустином (Поповичем) и др. Для отца Иустина «человек – всегда богочеловеческое существо, откровенно богоподобное и христоцентрическое существо, ибо лишь в Богочеловеке, Господе Иисусе Христе, человек – настоящий человек, осуществленный и являющийся таковым» [12, с. 29].

В настоящее время в XXI в. глобальность процессов гуманизации и гуманитаризации проявляется, в том числе, и в сфере образования. Оно связано как с демократизацией, так и с усилением распространения и влияния христианского вероучения, христианского гуманизма на самосознание людей.

Наличие и развитие феномена самосознания обуславливает уникальность человека как особо выделенного Богом элемента природы, проявляющегося в составляющих: тело (бессознательное, брэнность, смертность, потребление материального, сотворенный храм души); разум, входящий в душу (сознание, рассудок, которые конечны, ограничены и отнесительны в рамках отраженного мира); душа (вечность); дух (сверхсознание, безграничность). Они поднимают человека на духовный уровень, характеризуют его как личность, способную творить собственную жизнь по законам Природы, социума, Вселенной, формируют высокую ответственность чад Божиих.

Такое восприятие уникальности человека (в его имманентной связи с Творцом мира) отсутствует в антропоцентрическом гуманизме, расширенный вариант которого, но не достигающего до уровня полноты обобщения, свойственной теоцентрическому гуманизму, характеризуется следующими положениями:

1) гуманизм – это прогрессивная форма реалистической психологии и мировоззрения; это – стремление осмыслить все области и формы проявления человечности человека; это – вера в возможность самосозидания личности и непринятие редуционизма, сведения человеческой сущности к нечеловеческому безличному; рациональность, терпимость, эмпатия, оптимизм, свободолобие, уверенность в неограниченных возможностях самосовершенствования личности, неисчерпаемости ее творческого потенциала; равноправие человека как материально-духовного существа с другими людьми, обществом и природой; научно-ориентированный, творческий скептицизм, который требует объективного исследования заявлений о всякого рода иррациональных феноменах.

2) сторонники гуманизма признают наличие антигуманного в человеке⁷, но убеждены в способности человека все более успешно изживать его; имеют развитую потребность применять принципы гуманизма на практике во благо всех и каждого; свои принципы согласуют с положениями всеобщей декларации прав человека.

Какая из доминировавших черт гуманизма прошлых эпох возобладает в XXI в. как основная черта или привнесет в него что-то новое, сказать с полной уверенностью нам не представляется возможным. Можно предположить, что если XXI в. войдет в историю цивилизации как эпоха Духовного Просвещения, возможно, это будет, отличный от средневекового, **теоцентрический гуманизм** с относителем свободным, глубоко осознаваемым стремлением Человека к святости и к Богу.

⁷ Антигуманное начало в человеке отец церкви Августин Блаженный трактовал как «первородный грех», результат преодоления которого в христианстве называется святостью.

Итак, мы показали, что каждая историческая эпоха внесла в категорию гуманизма свои специфические оттенки, акценты, отражающие дух времени, умонстроения общества в целом и его отдельных мыслителей в частности, сохраняя в нем неизменным вековозвышающие принципы, примат человеческих и духовных исторически обусловленных ценностей.

Понятие гуманизма, генетически единое и переосмысляющееся в рамках нашей эпохи, требует духовной христианской среды, в которой и может быть построена адекватная запросам общества система образования в широком смысле светского и церковного. Такой средой в XXI в. видится российская культура, интегрированная в общеевропейскую и мировую культуру, просвещение, ориентированное на святоотеческое наследие, возрождение духовного прошлого нашего народа, формирование уважения, благоговения к этому прошлому.

Список использованной литературы

1. Меньшиков В.М. Проблема классической гимназии в педагогике К.Д. Ушинского и современное гимназическое образование: Реализация идей К.Д. Ушинского в практике современного образования / В.М. Меньшиков // Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (Курск, 19–20 февраля 2003 г.) – Курск: Изд-во КГУ, 2003. – С. 31–41.
2. Романюк Л.В. Гуманистическая традиция как историко-педагогический феномен: теоретико-методологический анализ: монография / Л.В. Романюк. – Киров: Изд-во Вятского государственного педагогического университета, 2002. – 116 с.
3. Бахтин М.М. Эпос и роман / М.М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000. – 304 с.
4. Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии / Л.Н. Гумилев. – СПб.: Кристалл, 2003. – 352 с.
5. Последнее искушение («Тайное знание» в свете Православия) / сост. В.И. Кремень. – М.: Данил. благовестн., 1999. – 266 с.
6. Иоанн-Павел II, Папа Римский. Переступить порог надежды / Иоанн-Павел II, Папа Римский. – М.: Истина и жизнь, 1995. – 288 с.
7. Святитель Лука. Наука и религия. – Ростов-на-Дону: Троицкое слово, 2001. – 315 с.
8. Зеньковский В.В. Основы христианской философии / В.В. Зеньковский. – М.: Канон, 1996. – 557 с.
9. Любак Андри де. Драма атеистического гуманизма / Андри де Любак. – М.: Христианская Россия, 1997. – 301 с.
10. Шафаревич И.Р. Соч. в 3 т. Т. 1. Социализм как явление мировой истории / И.Р. Шафаревич. – М.: Феникс, 1994. – 321 с.
11. Языкова Н.М. Богословие иконы / Н.М. Языкова. – М.: Изд-во Общедоступного Православного Университета, 1995. – 212 с.
12. Попович Иустин. На богочеловеческом пути / Иустин Попович. – СПб.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря; Владимир Даль, 1999. – 300 с.

У статті наведено типологію сучасного гуманізму, розглядається сутність двох його типів – антропоцентричного і теоцентричного. Автори наводять історію розвитку гуманістичного світогляду від античності до сьогодення, висловлюють припущення про причини сучасної моральної кризи і обґрунтовують перспективність розвитку теоцентричного гуманізму як світогляду людини кризової епохи.

Ключові слова: гуманізм, типи світогляду, теоцентризм, антропоцентризм, християнське світорозуміння, моральна криза, ліберальний фашизм.

The article presents a typology of modern humanism, the essence of his two types-of anthropocentric and теоцентрического. The authors represent the history of the development of humanistic philosophy from antiquity to our days, are the assumptions about the causes of the modern moral crisis and establish the prospects of development of теоцентрического humanism as Outlook of the person of the crisis.

Key words: humanism, types of world Outlook, теоцентризм, anthropocentrism, the Christian world Outlook, moral crisis.

Надійшло до редакції 7.09.2012 р.